

В пасхальную ночь

Широко рассеялось вблизи башкирских степей село Круглые Озера. Свыше четырех сотен домов накопило, паровой мельницей обзавелось, большую церковь «миром» поставило.

В глубокую даль отодвинулись времена, когда здесь бывали столкновения русских с башкирами.

Давно смешались люди одеждой, обычаями, языком, «обличьем», фамилиями.

Не разберешь, почему скуластый, с редкой подвеской черных прямых волос под подбородком зовется Кузьмой Лупанцевым, а рыжий, с широким окладом бороды, подсаистый крестьянин носит башкирское имя Садык Телакаев.

Телакаев только что сдал перевод по почте и теперь рассматривает маленькую витрину, закрытую сеткой, где выставлены недоставленные письма.

Остановился на одном с особым вниманием. Там мигающим почерком «наковырено»:

Станся Шумляк

Вилянський равион заззерски сильсавет

Получить Анни Петровни Тилятивай

Садык укоризненно качает головой.

— Ай-яй! Анна Петровна! Совсем не научила парня. Разобрать не могут его письмо.

Обращаясь к почтовику, говорит:

— Отдай мне. Завезу. Из нашего места парень. Ныне только в Красную Армию ушел. Матери пишет... Вдова она.

— Которое письмо? — спрашивает седенький, сухонький почтовик.

— Вот это, — тычет пальцем Садык через сетку витрины.

Почтовик выходит из-за загородки, открывает витрину и передает письмо.

— Свези, если знаешь.

— Как не знать. По соседству живет, и пашни наши сходятся.

Осторожно уложив письмо во внутренний карман, Садык укоряет почтовика:

— Все-таки разобрать можно, а вы его держите на выставке... Бюрократство это с вашей стороны.

— Из Академии наук надо человека, чтобы здешние письма разбирать, — дребезжит почтовик, — чисто все тут исперепутались, не разберешь, кто русский, кто башкирец.

— Перепутались и есть, — примирительно отзывается Садык. — Только вера разная, да хозяйство у каждого мало-мало осталось. И тому приходит конец.

— Это ты правильно, — поддакнул почтовик и с таинственным видом добавил: — Вчера в вашу сторону три трактора прошли. Чуешь, к чему?

— Видел я... у Куртугуза завязли... Когда еще вылезут...

— Вылезут! Будь без сомнения... С норовом этот народ... который с машинами-то в степь попер... От своего не отступит...

— Это же и у нас говорят... Помогают еще некоторые... Голь-то самая...

— Ему что, голому-то... Хуже не ждет...

— Да, — вздохнул Садык, — времена, я тебе скажу! Каждый день чего-нибудь да жди.

Почтовик не забыл, однако, укора в «бюрократстве» и неожиданно повернул разговор:

— Не все, видно, коту масленка, подходит и великий пост.

— Ты это к чему?

— А вот к тому... Кончил дело, отходи от окошечка, гражданин!

— Вон как заговорил! — удивился Садык и с обиженным видом направился к выходу. Уже в дверях вслух сказал:

— Я и говорю, — каждый день чего-нибудь да жди...

И все-таки такого случая еще не бывало в Круглых Озерах.

Козинский мужик Иван Саватеич привез со станции в страстную субботу каких-то городских...

Мало ли ездит... Только этих сразу заметили.

— Гляди, девки, с приданым городские приехали... Сватать, видно, которую... Не подгадь дело, покажи скатерки с кисточками! — кричит от пожарной

щуплый старичонка в сторону девиц, снимавших в соседнем дворе развешанное белье.

Но девиц приглашать не надо. Они уж и так выбежали за ворота с охапками снятого белья и глядели не столько на приезжих, сколько на их багаж: две деревянных и три железных шкатулки...

Ребятишки уж успели составить около плетенки живой крикливый полукруг.

«Бывалый человек» — сторож пожарницы начинает дипломатический подход.

— Не от Зингера будете? Иголочку к машине через вас доступить нельзя?

— Зингера, дед, запаху не осталось. Госшвеймашина теперь на том месте орудует... Свои у нас машины ноне, советские... на Подольском заводе изготовляют.

Старику не так уж много дела до Зингера, но не хочется терять репутацию бывалого человека, и он пытается взять под защиту этого самого Зингера.

— Как же это возможно, чтоб, значит, все машины без иголок оставить. Что-то вы неладно судите, гражданин.

— Ладно, дед, сужу. В самый раз, — ответил веселый парень. — Попользовались при царской власти американцы, а теперь им отставка. Хватит! Сами не хуже машины делаем.

— А как же, например, иголка? — не сдавался дед.

— Иголки тоже Госшвеймашина, какие надо, продает. Адресочка вот не могу тебе сейчас сказать. Не по этой мы части...

Такой поворот речи позволяет старику сделать другую догадку, но уже предположительно:

— Неуж землемеры будете?

— Не угадал, дед.

— То-то, я и думал, — не подходит будто: и одежда и обычай вроде не те. Так с чем же вы приехали?

— Кинокартины показывать в вашей деревне будем. Приходи вечером, увидишь.

— Шутишь все, а ты скажи по правде.

— По правде и говорю. Приходи вечером и увидишь «Светлый город» в своей деревне.

— Не деревня у нас, а село. Видишь, — вон церква-то. Хоть в город поставь. А мельница — махина! А ты деревня!

— Ну, село, так село. А такого все-таки тут не бывало. Да еще одну штуковину привезли... В городе запоют либо заиграют на музыке, а тебе слышно будет. Радио называется...

— Бескостный у тебя, гляжу, язык... Ровно овечий хвост мотается, а все зря. Таись, не таись, а всякому видно, что с товаром каким-то приехали, — обиделся старик и пригрозил: — Милиционеру, небось, покажешь!

— Всем покажу, когда время придет.

— И до времени покажешь! — продолжал угрожать старик. — Болтает околесицу, а у самого целый воз товару!

На ворчанье и угрозы старика, однако, никто не обращает внимания. Подростки и молодежь, успевшие собраться большой толпой, одолевают приезжих вопросами: — Какие картины? Откуда привезли? Из самого Свердловска? Где показывать будут? Какая цена?

Среди подростков уже в большом избытке появились помощальщики и киноактивисты. Начались даже перекоры за право помогать.

— Давно ли против коллективу говорил, а тоже лезешь!

— От тебя много активности в колхозе! Считать не сосчитаешь!

Какой-то бойкоглазый мальчонок, в малахае и бешмете, уж оказался верхом на лошади и, бросив с ходу: «Съезжу нето за председателем», — начал охаживать концом повода по бокам своей лошаденки.

— Завсегда Ванька Вемзоров вперед выскочит, — завистливо промолвил один из подростков.

— Первеющий втыкало во всяко место, — подтвердил другой.

А бойкоглазый парнишка между тем едва виднелся в конце длинной улицы. Зря старался. Приезжие уже видели председателя и теперь поджидали его вместе с группой колхозников.

Вскоре подошли эти «машинники», как зовут здесь членов колхоза «Труд» за то, что у них три трактора «Интернационал». С ними пришел и председатель сельсовета, молодой еще человек, в потрепанной шинели старого образца.

— Так вы что не заносите? — обратился он к приезжим. — Там ведь комнатка есть... Командировочные тут у нас всегда останавливаются.

— Комната есть, а двери где? — быстро отозвался парень в резиновке.

— Воровства у нас нет, — обиделся председатель. — Коней, случалось, когда сведут... а чтоб другого баловства — ни-ни... Где положишь, тут и возьмешь.

— Про то не говорят, — отмахнулся приезжий. — Груз-то у нас особый — липучий. Всякие цапанцы-лапанцы, вроде вот этих, — указал он на подростков, — обязательно под крышку заглянуть норовят... Ну, и портят, случается... Не отвернись... Нарочно с собой кольца и свой замок вожу... чтоб понадежнее было... Чуланчик бы хоть какой, только бы запирать можно.

— К Ваштаганихе нето их направь, Иван Афанасьич, — посоветовал один из колхозников.

— Каюта у ей ровно на миноноске — хоть узко, да крепко... И ребятишек нет...

— Туда, видно, придется, — согласился председатель, — старуха она советская, бедняцкого слою. Только к религии приверженность имеет большую и девку свою на те же копылья поставила... Монашки вроде... А так ничего... не вредная старуха... Тесно только двоим-то, поди, будет...

— Нам ведь не сидеть, — отозвался приезжий пожилой рабочий, до сих пор молча смотревший на шумливую ребячью толпу.

— Мне вот и вовсе не к чему туда ехать... Дела хватит до потемок. — И он стал вытаскивать из плетушки мотки проволоки, деревянный баульчик и какие-то изогнутые железины, похожие на серпы.

— Вези нето этого товарища, Саватеич...

— Вон в тот проулок, за церкву... Знаешь Ваштагановых-то?

— Знаю будто... На три окошка, второй дом...

— Он и есть.

— А пустят?

— Пустят. Да вот тебя Гриша Чукреев проводит... Он у нас активист к Ваштагановым ходить... в колхоз их зовет, — бабку со внучкой... Да все как-то

у них разбежка выходит, — с улыбкой «разъяснял вопрос» один из «машинников».

— Чего ж, и провожу, — откликнулся подвижной колхозник в защитного цвета рубаше, по уличному прозвищу Гриша Стрижок.

— Раз мне знакомые, а товарищ затрудняется — почему не проводить? А насчет разбежки потом говорить будем, — с задором бросил он в сторону «разъяснителя».

— Либо ты в монахи, либо Дуня в колхоз? — пошутил тот.

Ребячья толпа, отвлеченная пучками проволоки и особенно скобами, не увязалась за Саватеичем, когда он направил свою лошаденку в сторону Ваштагановых.

Хорош голос у Дуни Ваштагановой. Старенький попик очень одобряет.

— Украшение хора Дуня наша. До слезы трогательно выводит. Через десятки лет такие ангельские голоса бывают. Наградил господь за родительские молитвы.

Прихожанам тоже по сердцу сильный, чистый голос. Про регента Кузьму Вертишлеева говорить нечего. С такой важностью вытянется и так гордо кругом глянет, будто сам он поет. Так и шло дело. Еще с подростков бегала Дуня в церковь и «украшала». За последние годы, правда, дорожка в церковь не такая гладкая стала. Перед подружками порой обидно станет, как кольнет которая: «Старушечья радость!» — да и Гриша Стрижок голову забивает. Но как обидеть бабу? Да и не это главное. А вот тянет к складному церковному напеву. С песней его не сравнишь. Не зряшное оранье, кто как вздумал, а настоящая красота, если голоса подберутся, да каждый вовремя запоеет — не забежит, не отстанет...

Всю пятницу у Дуни держалось торжественное настроение. Накануне вечером она пела любимую церковную песню «про разбойника».

Безвыходная тоска этого церковного напева, кончающегося страстным криком мольбы, всегда захватывала Дуню. И ныне регент Кузьма не один раз высморкался и протер ребром ладони подглазицы, когда на фоне густого баса хлебопродуктового бухгалтера из бывших дьяконов истомно взметнул ввысь тоску красивый девичий голос.

Кузьма — строгий регент. Считает ошибкой хвалить своих хористов, а тут не удержался.

— Ровно херувимы и серафимы, — и, злобно покосившись на редкую толпу старух и стариков, добавил: — Не по коню корм. Клячи глухие — что они разберут...

И Дуне обидно, что нет Гриши, нет близких подружек. Один Гераско Нагматуллин уставился на нее своими оловяшками. Не парень — чурбан осиновый. Иструх уж теперь, хоть и рыло наел. В женихи еще лезет...

Обида на редкую толпу старух, на Герасковы оловяшки еще больше усилила тоску церковных песен, когда Дуня пела их дальше.

Но самой Дуней завладела эта мрачная красота. Перестала замечать струю самогонного перегара, которую на высоких нотах густо выпускал всегда полупьяный бухгалтер-дьякон. Забылись старухи, Гераско. Казались перед глазами другие слушатели, для которых радостно петь. И в первом ряду Гриша...

После службы Дуня с бабушкой осторожно перебиралась через грязную церковную площадь. Во все стороны расползлись от церкви в густой весенней темноте мигающие огоньки «четверговых свечей»...

На крыльце ярко освещенной избы-читальни толпа молодежи. Слышатся смех, выкрики, шутки...

«Там он... Гриша, — уныло отметила про себя девушка. — Не придет послушать... все с комсомолом своим...»

И сейчас же, поймав эту невеселую думку, задорно сказала вслух:

— Подожди! В пасхальную ночь все-таки будешь меня слушать!

— О чем ты? — откликнулась старуха.

— Да так, бабушка... Вишь, греха не знают... Галдят да хохочут, когда люди от «страстей» идут...

— Ох, девонька, как только жить будем. — И старуха начала тянуть бесконечную нитку воркотни, где слышались антихрист и комсомол, церковь и колхоз.

Эта привычная Дуне нитка старушечьих дум только раздражала, толкала мысль в другую сторону, — туда, откуда слышался смех, где был Гриша. С ними ведь ей идти в жизнь, а не с этими отжившими старухами.

Что они понимают. Вся-то их радость дотащить до дому по грязи и потемкам непогашенную свечку...

И Дуня с досадой загасила свой ехидно подмигнувший огарок.

— Еще Гриша к огню разглядит. Смеяться станет.

В субботу с утра Дуня была на спевке. Вернулась домой как раз в то время, когда Гриша с киномехаником перетаскивали в боковуху тяжелые шкатулки.

Ласково сцепившись глазами с Гришей, девушка все-таки недовольно подумала:

«На что только бабушка пустила какого-то... Натопчут перед праздником».

Но непривычный вид груза заинтересовал ее, и она спросила:

— С чем это приехали?

— С передвижкой, гражданочка, — приветливо откликнулся на певучий голос киномеханик, с трудом выволакивая ноги из месива грязи.

— Кино вам показывать будем. «Светлый город» — картина называется. Тут вот «Китайская мельница». Еще есть картина «Когда спящий пробуждается». С участием Игоря Ильинского. Очень занимательный сюжет. Хотя 32 процента годности... Перфорация подносилась... Только вот лампочек абсолютно дефицитное количество — две всего. Достаточно из-за этого затрудняюсь. Потому чуть перевернул — она и перегорела. Ваши, между прочим, деревенские к ветрогону привыкши... Как начнут крутить, так и перегар... в обязательном порядке.

Многое не поняла из речи городского парня деревенская девушка, но расспрашивать не стала. Постеснялась Гриши. Подумает еще: «какая бестолковая».

Торжественное настроение, с которым шла из церкви, исчезло. Резко махнула длинной косой и забежала в сенцы... Даже ноги не вытерла.

Больно кольнуло замечание приезжего:

— По старому режиму, видать, гражданочка... Косатая...

Вскоре в боковуху набилось народу. Пришел председатель, прибежал избач.

Дуня слышала, как горячился Гриша:

— Запереться, значит, на замок?.. в школе-то твоей? Обязательно на площади надо, и начать пораньше... до службы...

— Посмотрят и уйдут в церковь, — возражал председатель.

— Да ведь ты пойми — почему молодежь в церковь ходит в такие дни, — кричал Гриша и сам отвечал: — Там убранство, свечи палят не жалеючи, поют складно... Вот и тянет. А если мы на улице кино дадим, да еще громкоговоритель поставим, — кому она нужна будет... церковь-то?

«Ведь это он верно говорит», — отметила про себя Дуня.

Киномеханик тоже высказался за установку на улице, но опасался: вдруг дождь.

— Дожжу бы ровно не время, — успокоительно сообщает какой-то случайно забредший сюда старичина, — по всем приметам не должно быть. Только вот народу смешение может произойти. Который, например, в церковь пошел, а тут ему картинку показывают. Грех, поди, так-то, и неудовольствие выйдет?

Это «вмешательство со стороны» окончательно решает вопрос в пользу площади.

«Стемнело.

Селение тонуло в том особенном сумраке, которым полны весенние звездные ночи, когда тонкий туман, подымаясь с земли, сгущает тени лесов и застилает открытые пространства серебристо-лазурной дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлет. Убогие хаты чуть выделяются темными очертаниями, кой-где мерцают огни; изредка скрипнут ворота; залает чуткая собака и смолкнет; порой выделяются фигуры пешеходов, проедет всадник, проскрипит телега. То жители одиноких поселков собираются в свою церковь встречать весенний праздник.

Церковь стоит на холмике, в самой середине поселка. Окна ее светят огнями. Колокольня, старая, высокая, темная, тонет вершиной в лазури.

Скрипят ступени лестницы... Старый звонарь Михеич подымается на колокольню, и скоро его фонарик, точно взлетевшая в воздухе звезда, виснет в пространстве...»

Это описание пасхальной ночи взято из «Весенней идиллии» В. Г. Короленко «Старый звонарь». Оно настойчиво вытягивалось из памяти двумя рычагами: сходства и полной противоположности. Точь-в-точь так, и совсем непохоже...

Село тонуло в густом весеннем сумраке. Была и тишина. Но в ней ни задумчивость, ни грусть, а напряжение борьбы и какая-то подготовка.

Церковь с высокой колокольней на холме посредине села. Правда, не старая церковь, а крепкая, каменная. Недаром рабочие паровой мельницы уже дважды пытались провести на общегражданском собрании постановление — передать церковь под клуб, но добиться этого не могли. Не соглашались как раз те жители деревень, которые теперь пешеходом, верхами и на телегах «собираются в свою церковь встречать весенний праздник».

— Граждане, здесь ровно бы дорога, — сладко, но не без ехидства звучит тенорок.

— Объезжай той стороной. Под «Смычкой»... установка тут. Не видишь? На людей прешь...

— Объехать, конечно, можно... Непорядок только это... На одиннадцатом-то году Советской власти...

— Господи... Без хлеба оставили, а теперь и дороги лишили, — шуршит старушонка, в руках которой смутно белеет объемистый узелок.

— Отломи, баушка, куличка да по яичку нам дай — легче донесешь, крюку не заметишь, — озоруют мальчуганы.

— Без хлеба, вишь, Земзюровы остались... На куличи перешли... Хватают рубли-то на базаре, — ворчит кто-то из толпы, узнавший старуху из спекулянтского дома.

У запасного пожарного бака мелькают огоньки церковных свечей. В неровном их свете проглянет порой ребристый костяк основания, взмахнет широкое полотнище, отчетливо видна станет рука с молотком, обвислые усы, татарский малахай, защитного цвета рубаха, красный платок.

— Выше подтяни левый край! Хорош... Давай гвозди... Подтяни книзу... Правый угол, тебе говорят. Эх, Гриша, комсомол еще... уклоны разбираешь, а нет того, чтобы смекалку иметь...

— Задело, видно, тебя... Раз говоришь неправильно, спуску не дам.

— Ладно. Потом договорим, — примирительно кидает сверху малахай, — аккурат будет!

В густой толпе за дорогой тоже копошатся. Парень в резиновке и кепке возится с тремя ящиками у стола. Ближайшим зрителям кое-что видно при свете одинокой, тоже церковной свечки. Обмениваются замечаниями.

— Вывел вороную кобылку из конюшенки... Ростом две четверти, а сила в ней большая.

— Смотри, бабы, мотовило выставил, нитку мотать будет...

— Ровнее только, товарищи... Чтоб перегару не случилось, запасных-то лампочек у меня немного, — объясняет киномеханик сидящему верхом на скамейке крестьянину с кудрявой молодой бородой.

— Вот так, — одобрительно отзывается он, когда над «мотовилом» загорелась ровная яркая точка, отчетливо осветившая укрепленное на пожарном баке полотно.

Еще несколько минут возни, и ребра подставки пожарного бака и самый бак исчезли, забылось и «мотовило», и «вороная кобылка ростом в две четверти», и русобородый двигатель, сидевший верхом на скамейке. Взоры всех приковались к яркому окну в другую жизнь, которая вначале казалась знакомой, — такой же деревенской.

Дунина бабка ушла в церковь пораньше. Дуня проходила мимо пожарного бака как раз в то время, когда в ярко освещенном круге появились слова: «Светлый город». Нельзя же было не взглянуть, что дальше будет. И Дуня остановилась «на минутку». Сначала часто оглядывалась на тусклые огни церковных окон, утешая себя: «долго еще до крестного хода», а когда под звон колоколов этот ход начался, Дуня не смогла даже оглянуться: так захватила ее картина. Молодая крестьянка, пришедшая в город, оказалась в безвыходном положении. Усталая от бесплодных поисков, она так и свалилась на снег перед воротами какого-то большого дома. Что с ней будет?

Издали церковное пение показалось Дуне глухим и не очень складным с выкриками, которые только мешали смотреть, и Дуня была довольна, когда эти звуки прекратились. Зато судьба молодой крестьянки ее радовала все больше. У нее нашлись уже друзья в городе, и чем дальше, тем легче и шире открываются перед ней двери в будущее. Стало понятным, почему картина названа «Светлый город».

— Светлый и есть, — прошептала Дуня, когда картина окончилась.

Идти в церковь теперь было поздно, да и не хотелось. Стала присматриваться, нет ли вблизи кого из подруг, но разглядеть даже рядом с собой было невозможно. После того, как потухло светлое пятно на полотне, темнота, казалось, стала еще гуще. Хотя народу было кругом немало, но разговоров не слышно: не прошли еще минуты очарования, когда обычно каждый молчит.

Вот опять появилось светлое пятно, и против него встал живой человек — секретарь Круглоозерского комитета комсомола Григорий Чукреев.

— Вот он где, — обрадовалась Дуня, но тут же пришли тревожные мысли: и Любка Пантуева там и Аниска Руколеева. Обе от Гриши не отстают. Любка так и прилипает, хоть Гриша на нее и смотреть не хочет. Анисья, конечно, комсомолка настоящая, и в колхозе ее одобряют. А Любка что? Ей бы с парнями повертеться. Она не она — плясунья! Подумаешь — хитрость каблуками пристукивать! И не в лад когда.

С этими ревнивыми мыслями Дуня стала продвигаться к экрану. Здесь ее разглядела одна из подруг и пожалела:

— Опоздала, Дуня!

— Нет, я с самого начала видела.

— Дуня, — обрадовалась та. — С нами, значит, ты! не с теми!

— Подожди, послушаем! — остановила Дуня расспросы подруги.

Гриша между тем говорил, что скоро начнется передача по радио концерта для крестьян, а так как многие по глухим местам еще не верят, что можно за сотни верст слышать голос, то сперва будут разговаривать с земляками крестьяне, которые теперь в городе.

— Из наших там председатель сельхозкооперации Иван Кузьмич Паршуков. Все знаете его голос. Так вот он тоже будет говорить. После этого будет концерт. Самые лучшие артисты Свердловска будут петь, музыка тоже будет, а потом еще картину покажем.

— Эту же?

— Нет, другую.

— Эту бы! Больно занятно... Еще бы поглядеть... одно место недоглядел.

Рядом с Гришей против светового круга появился киномеханик.

— Нельзя, граждане! Перфорация не позволяет при такой температуре ленты вторичный прогон делать.

«Технические» слова подействовали. Никто больше не просил о повторении, зато начался самый оживленный разговор о картине и о «недосмотренных местах». Один лишь «пожарный дед» с торжеством отозвался на слова киномеханика:

— Ага! Не можешь без подстройки людей морочить!

— Не могу, дед! — сознался киномеханик под дружный смех большинства собравшихся и добавил: — Твоя, видно, взяла!

Эта переключка «пожарного деда» с киномехаником была дополнительной забавой. Старик явился сюда к началу установки и всячески доказывал, что «при пожарном баке собираться законом воспрещается». Старика убеждали, что он «зря кипятится», что подъезд к баку не загорожен. Напоминали и о том, что воды в баке нет. Старик ничего слушать не хотел, а когда перестали с ним считаться, он закричал, что было силы:

— Товарищ милиционер, прошу отстранить этих людей от пожарного имущества!

Милиционер, который был тут же, немедленно отозвался и «отстранил»... самого пожарника.

— Предлагаю вам, гражданин, не мешать людям делать приготовление к показу картин, с которыми они приехали из области. Документы их, по вашему заявлению, проверил, и ничего противозаконного здесь не имеется.

Перейдя с официального на простой разговор, пожаловался:

— Надоело прямо. Давеча прибежал, кричит: «Городские приехали с каким-то слепым товаром! Беспременно допросить надо». Без понятия человек.

Старик, однако, не думал сдаваться. Он с задором объявил:

— Будьте свидетелями, граждане! Милиционер отступился, а я никогда не отступлюсь. Незаконно действуют.

Больше все-таки он не мешал, только неотступно следил за киномехаником. Механик иногда приглашал: «Ты взгляни, дед, что в городе делается», — на что получал неизменный ответ: «Пусть другие смотрят, — у меня дело есть».

Теперь «пожарный дед» готовился разоблачить приезжих. Дружный смех, поддержавший слова киномеханика, ничуть не смутил старика. Он громко крикнул в ответ:

— Слыхали, граждане, — не может? То-то и есть! Потому фокус это у них... Они мелконькие картинки через большое стекло показывают, а вы думаете...

В это время «заговорило со столба». На старика со всех сторон зашикали, а кто-то даже пригрозил: «Дошабаршишь ты у меня до худого!» Старик и сам растерялся. С вечера он видел, что на столбе «пристраивают какую-то штуку»,

но думал, что тоже к «фокусу с картинками», и вдруг оттуда «заговорило». Да ведь громко и четко как. Но старик недаром называл себя «бывальцем». Он и здесь разгадал хитрость. «Грамофон поставили. Большой только. Мало ли я их слышал, как по городам жил. В каждой пивной бывали. Поставят кружок, он и говорит, либо песни поет. Очень просто». Успокоившись на этом, старик решил: «Пусть послушают, кому не доводилось, а потом я все и выложу, — какой обман подведен».

Вначале, как и предупреждал Гриша, говорили крестьяне разных районов. Каждый старался «доказать» своим землякам, что это говорит именно он, а не другой кто-нибудь. Убедительнее всего это достигалось приветами родным и близким с полным перечнем всех членов семьи. Старый «бывалец» лишь усмехался, слушая эти разговоры. Ишь, подстроили! Грамофон, а будто люди говорят! Ловко придумали. Кто вот только кружочки меняет?

Но вот объявили: «Сейчас будет говорить Иван Кузьмич Паршуков из села „Круглые Озера“». Все насторожились и с первых слов стали переговариваться:

— Его голос...

— Маленько будто не такой, а походит.

— Через машину ведь... А речь его. Ишь сыплет...

— Точно... Как горох на железный лист.

— Иван Кузьмич... Ни с кем его не смешаешь.

Паршуков похвалился, что ему удалось достать все, за чем он ехал, передал, как и другие, «поклончики» своим семейным и друзьям. В заключение добавил:

— Савве Трофимычу, который у нас при пожарнице, купил четыре картузика нюхательного табачку. Того самого, какой он заказывал. Ярославской фабрики. Много его тут. Не выберешь. Пусть утешится, да про бак не забывает. Не рассушить бы, как в позапрошлом году.

Дальше стал говорить еще какой-то представитель района, но его уж мало слушали. Конец речи Паршукова всех развеселил. Посыпались шутки.

— Слышал, Трофимыч, купил тебе табачку-то, какого надо?

— Он, поди, то и сердитый, что самотером нос набивает.

— Прочистит ярославским, так и «Светлый город» увидит.

- А насчет баку правильно. Пора воду подвозить.
- Ненадежна погода. Разморозит еще, — пытался возражать старик.
- Придумал отговорку. Пахать скоро, а он, — разморозит!
- Чем бы зря людям мешать, взял бы да и нарядил привезти бочку, две...

Конец этому подшучиванию над «пожарным дедом» положил концерт. Все замерло, когда в сопровождении музыки запел чудесный мужской голос. Захватил он даже старого «бывальца», который когда-то сам бывал в музыкальной команде и теперь одобрительно приговаривал: «Эх, выносит! Вот подымает!» Даже тем, кто много раз слышал и раньше любил этот сильный редчайшего тембра голос, он казался полней и сильнее в этой густой темноте тихой деревенской ночи. Не мудрено, что он зачаровал музыкальное ухо деревенской девушки, никогда не слыхавшей ничего подобного. Дуня стояла в оцепенении. Ведь как поет! Каждое слово, как обточенное, а последнее так и растаяло в сладком тумане. Звуков уж нет, но они продолжают звенеть и дрожать где-то внутри, неуловимо, но прекрасно. Этот же голос пел еще и еще, и Дуне казалось, что она сама зазвенит от восторга. Запели скрипки. Совсем не так, как у регента Кузьмы. Дальше опять чудесный голос. На этот раз женский, чуть гортанный, со звоном металла и побеждающий страстностью, он песней рассказывает о праве на любовь!

- Заворожило мою Дуняшку? — шепчет рядом ласковый голос.
 - Заворожило, Гриша. Себя не помню. — Растерянно смотрит она на улыбающееся милое лицо. Потом решительно говорит: — Ладно. Согласна. Будь, что будет. Только дослушаем, Гриша.
 - Да ничего худого не будет, — утешает парень. — Запишемся в загсе, примем вас с бабкой в колхоз, потом в комсомол вступишь. Может, и учиться поедешь. С твоим-то голосом в Советской стране люди не в мусор идут. Их ценят, отбирают. Может быть, вот так же петь будешь.
 - Что ты, Гриша! Разве можно о таком думать... Мне? И так петь? — искренне удивляется Дуня и неожиданно добавляет: — А косу я завтра же обрежу.
 - Совсем это не обязательно и не нужно, — шепчет парень, впиваясь горячими губами в упругий толстый жгут волос против затылка.
- Чудесный голос передает настроение девушки, — в новой песне рассказывает о весне и сладких муках любви.

«Пожарный дед» вдруг неожиданно для всех, громко отзывается на последние слова песни:

— Да! Это тебе не граммофон!